

О ВОЗМОЖНОМ ИСТОЧНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА “БЕЗУМИЕ”

1

Стихотворение “Безумие”, созданное в начале 30-х годов, - одно из наиболее “таинственных” произведений не только в лирике Ф.И.Тютчева, но и во всей русской поэзии первой половины XIX века. Пожалуй, только “Недоносок” Е.А. Боратынского может быть поставлен в один ряд с этим тютчевским текстом. В обоих случаях перед нами весьма редкий синтез напряженной философичности с едва ли не гротескными средствами подачи ключевого образа.

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, -
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

Очевидно, что перед нами один из тютчевских “мифов” - настолько концентрированными, “сгущенными” до степени символов представлены здесь “реалии” фантастического пейзажа. Между тем истоки, а следовательно, и содержательная направленность этого тютчевского “мифа” и сегодня остаются не вполне проясненными.

Стихотворение “Безумие” неоднократно, в том числе и в самое последнее время, привлекало внимание исследователей. Во многочисленных интерпретациях этого стихотворения можно выделить, по-видимому, две основных тенденции (иногда пересекающихся). Первая связана с рассмотрением образа Безумия на фоне и с учетом шеллингианских построений. Наиболее рельефно такая точка зрения обозначена в работе Н.Я. Берковского: “Тютчев... в стихотворении “Безумие” 1830 года гневно и решительно высказывается против каких-либо идей в шеллингианском духе. Он и верил в эти идеи, и не верил поочередно, он метался от утверждения к отрицанию и обратно.”¹ Позиция Берковского, по-видимому, разделялась и столь авторитетным толкователем тютчевского слова, как К.В. Пигарев. Последний - со ссылкой на наблюдения Берковского - возводил Безумие к типу водоискателей, “доверенных лиц самой природы”.² Собственно, во многом от темы водоискательства, действительно необычайно важной для тютчевской поэзии, отталкивается и Г. Гачев, характеризуя картину и состояние мира, воплощенные в тютчевском тексте³.

Иная тенденция в подходе к “Безумию” обусловлена стремлением связать это стихотворение с тютчевскими размышлениями о месте и статусе Поэта в мире. Еще герой романа Андрея Битова “Пушкинский дом” Лева Одоевцев, судя по всему, в импрессионистической манере проводил параллель между пушкинским “Пророком” и “Безумием”, причем последнее рассматривалось им как безусловно полемический ответ Тютчева Пушкину⁴. Отнюдь не в импрессионистическом, а в сугубо рациональном плане (и без ссылки на Битова) это со- и противопоставление намечено и в недавней

статье К.А. Афанасьевой: “ Если рядом с тютчевским “Безумием” поставить пушкинского “Пророка”, то, во-первых, при определенном сходстве контекстов, сразу делается более чем заметным сдвиг, произошедший в поэтическом сознании Тютчева: на месте “Божьего дара” - пророчества (прозрения, слияния с тайной жизнью природы) являются Божий гнев и наказание - безумие (слепота, “разлад”), и, во-вторых, восстанавливается тематический эллипсис: поэт отказывает самому себе в провидческом даре...”⁵ С концепцией Битова - вернее, его героя, - не согласился В.В. Кожин, однако и он увязал центральный образ тютчевской пьесы с проблемой Поэта: “...стихи “Безумие” отнюдь не некий памфлет на Пушкина, но воплощение жестокого сомненья... в возможностях своего собственного творчества, в “пророческих снах” своей Музы.”⁶ Наконец, завершая беглый обзор основных точек зрения на тютчевское стихотворение, следует упомянуть и о статье Либермана, в которой “Безумие” интерпретируется как пьеса, отпочковавшаяся от тютчевского же перевода фрагментов комедии Шекспира “Сон в летнюю ночь”⁷. Внимание автора статьи привлекли следующие строки:

Поэта око, в светлом исступленье,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли -
И лишь создаст воображенье виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и название!..

Согласно этой версии, гротескно-фантастические образы тютчевской пьесы и есть претворенные жезлом поэта “виды существ неведомых”.

Столь большая пестрота суждений и многообразие интерпретаций применительно ко многим образцам тютчевской поэзии явление скорее типичное, чем исключительное. Между тем обозначенный в тютчеведении

круг источников, на которые мог опираться Тютчев (Шеллинг, Шекспир, Пушкин), не исчерпывает существа дела.

II

В литературе о Тютчеве распространено мнение, что в “Безумии” Тютчев пишет о человеке. Так, Н.Я. Берковский прямо указывал: “...перед нами человек-одиночка...”⁸ Это едва ли справедливо. Совсем не случайно Тютчев называет стихотворение “Безумие” (а не “Безумец”, например), как будто отвлекаясь от каких-либо характеристик антропологического свойства. Разумеется, упоминаний о “стеклянных очах”, “чутком ухе” и “довольстве тайном на челе” совершенно недостаточно, чтобы реконструировать сколько-нибудь целостный “человеческий” облик героя. У Тютчева явлен трагический парадокс: безумие, жаждущее познания. Оно вглядывается в облака и вслушивается в ток подземных вод, пытается осознать закономерности мирового развития, предугадать грядущее. С другой же стороны - оно, “жалкое”, пребывает в мире иллюзий, о чем свидетельствует глагол “мнит” в зачине четвертой строфы. Беззаботность и довольство, характеризующие Безумие, контрастно соотнесены в тютчевской пьесе с образом опустошенного, омертвленного, в конечном счете - обесмысленного космоса: “обгорелая” и “растреснутая” земля, “пламенные пески”, превратившееся в дым небо и т.д. Между прочим, совсем рядом, в стихотворении “Снежные горы”, у Тютчева встречается близкий образ “издыхающей земли”. Мир, в котором обитает Безумие, лишен санкции Творца на самостоятельное бытие. Не случайно же Безумие ищет в облаках (не в небесах!) не кого-то, а чего-то.

“...Отнюдь не к умалению Тютчева служит то, что можно было бы назвать его “методом лирического цитирования”. Это цитирование - нередко буквальное, чаще в виде более или менее близких к подлиннику парафраз - пронизывает всю его поэзию, имея множество степеней и оттенков, от

использования отдельного образа или идеи до создания целых стихотворений, являющихся либо развитием чужих произведений, либо ... полемикой с ними”⁹, - отмечал Б.Козырев. Сам автор “Писем о Тютчеве” усматривает аналогию между финальной строфой “Безумия” и философскими идеями античности, в частности - тезисом Фалеса о воде как основе всего сущего. Более известна иная интерпретация последнего четверостишия, опирающаяся на несомненную его близость к некоторым идеям Шеллинга. Н.Я.Берковский писал по этому поводу: “Органическая жизнь, как кажется, прекратилась навсегда. А человек все еще “чего-то ищет в облаках”- ищет пантеистического бога, ищет признаков “мировой души”, которая была бы милостива к нему, послала бы дождь, влагу, жизнь. В этом и состоит безумие человека.”¹⁰

Шеллингианский натурфилософский план “Безумия” бесспорен. Но он ни в коем случае не может быть откомментирован только через мотив водоискательства. Имеются переключки куда более существенные. Приведем высказывание Шеллинга, имеющее, возможно, самое прямое отношение к тютчевской пьесе: “...в основе по-прежнему лежит хаотическое ... ничто в мире не производит на нас впечатления изначальности порядка и формы, но ... все наводит на мысль о некотором изначально-хаотическом, введенном в рамки порядка. Это - непостижимая основа реальности вещей, неразложимый и ... несводимый к разуму остаток, вечно остающийся в основе вещей...” Собственно, и у Тютчева речь идет о коренящемся в основании всего сущего иррациональном начале: после уже свершившейся мировой катастрофы (“небесный свод” слился с обгорелой землей) выживает только Безумие. Тютчевские стихи не случайно в ряде работ трактуются как стихи о “конце мира”, в которых эсхатологическая тема является главенствующей.

Но возведение тютчевской “эсхатологии” либо к античности, либо к романтической философии рубежа XVIII - XIX веков недостаточно. Православный по вероисповеданию, воспитанный в глубоко религиозной

патриархальной дворянской семье, Тютчев не способен отрешиться в разговоре о “конце мира” от эсхатологии христианской. При ближайшем рассмотрении обнаруживаются важные переклички между “Безумием” и рядом фрагментов из “Откровения Иоанна Богослова”. У Тютчева - “Там, где с землею обгорелой”, в “Откровении” - “Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела” (гл.8); у Тютчева - “Слился, как дым, небесный свод”, в “Откровении” - “...и вышел дым из большой печи, и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя” (гл.9); у Тютчева - гротескное, фантастическое существо, не человек - оно, со “стеклянными очами” и “жадным слухом”, в “Откровении” - саранча, которая “подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее - как лица человеческие...” (гл.9). Наконец, заключительная строфа “Безумия”, которая, собственно, и дает основание для сближения с мотивом водоискательства. Однако при таком истолковании остается не вполне понятным, какова природа эпитета “колыбельное”: “...И колыбельное их пенье, И шумный из земли исход.” Между тем мотив колыбельного пенья вод может быть соотнесен со следующим фрагментом из “Откровения Иоанна Богослова”: “И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца” (гл.21). Безумие мнит, что колыбельные воды, несущие с собою новую жизнь, обновление и одушевление всего сущего, скрыты в земле, иными словами, в природе, тогда как, согласно Библии, чистая, светлая река жизни “исходит” с неба, от престола Бога. Апокалиптическое мироощущение, в целом не чуждое Тютчеву, обнаруживает себя и в другом стихотворении той же поры - в “Последнем катаклизме”:

Когда пробьет последний час природы,

Состав частей разрушится земных:

Все зримое опять покроют воды,

И Божий лик изобразится в них.

(1829)

“Обгорелая” земля и слившийся с ней небесный свод и знаменуют собой “последний час природы”, но в “Безумии” видение конца света дано в наиболее мрачных тонах. То обстоятельство, что переключки между стихотворением Тютчева и с детства знакомым ему новозаветным текстом не единичны, по-видимому, исключают простое совпадение. Гибель мира осознана в “Безумии” с позиций пантеиста шеллингианского толка (Маймин), но подобный взгляд на конечные судьбы вселенской жизни разворачивается здесь как бы на фоне христианской эсхатологии, с учетом ее идей и символов.

Примечания

1. Берковский Н. О русской литературе. - Л., 1985, с. 174.
2. См. напр.: Ф.И.Тютчев. Сочинения (в двух томах), т. 1. - М., 1984, с. 433.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. - М., 1988, с. 255-256.
4. “Новый мир”, 1987, № 11, с. 84-88.
5. К.А.Афанасьева. “Одизм” или “трагизм”? Размышления на тему “Тютчев и Державин”. - В сб.: “Тютчев сегодня”, М., 1995, с. 94.
6. Кожин В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. - М., 1978, с. 119.
7. Либерман А. С. Автопортрет молодого поэта в пустыне. - В сб.: “Филология. Межд. сб. научных трудов к семидесятилетию Александра Борисовича Пеньковского”, Владимир, 1998, с. 127-135.
8. Берковский Н. Указ. соч., с. 175.
9. Лит. наследство, Ф.И.Тютчев, т. 97, кн. 1. - М., 1988, с. 86.
10. Берковский Н. Указ. соч., с. 174-175.